

РЕВОЛЮЦИЯ И ЭВОЛЮЦИЯ КАК ФОРМЫ ИСТОРИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

Немного найдется понятий, которые возбуждали бы такую массуспор, как понятие революции. Объясняется это отчасти тем, что ни одно понятие не затрагивает так сильно существующих интересов и предрассудков, как понятие революции, отчасти тем, что мало найдется понятий, допускающих столько различных толкований. Одни разумеют под революцией баррикады, сожжение замков, гильотины, сентябрьские убийства, совокупность всевозможных ужасов. Другие обнаруживают тенденцию отнять у этого слова всякий страшный смысл и рассматривать революцию как ряд крупных, но незаметных, мирных преобразований в обществе, вроде тех, которые вызваны были открытием Америки или изобретением паровой машины. Между этими двумя крайностями существуют разнообразные промежуточные ступени.

Маркс в предисловии к «Критике политической экономии» называет социальной революцией более или менее быстрый переворот во всей огромной юридической и политической надстройке общества, являющийся результатом изменения его экономического фундамента. К. Каутский, считает, что нельзя ограничиваться таким узким определением социальной революции и говорит, что не всякий переворот в юридической и политической надстройке общества можно считать революцией,— а лишь особый способ или особую форму совершения этого переворота.

Русский философ и политический деятель П.А. Сорокин, говорит, что революция суть худший способ улучшения материальных и духовных условий жизни масс. На словах обещается реализация величайших ценностей, на деле же... достигаются совершенно иные результаты. Революции скорее не социализируют людей, а биологизируют; не увеличивают, а сокращают все базовые свободы; не улучшают, а скорее ухудшают экономическое и культурное положение рабочего класса.

По мнению, М.А. Бакунина, нищета самая ужасная, даже когда она поражает многомиллионный пролетариат, — не есть еще достаточный залог для революции. Человек одарен от природы изумительным и, право, иногда доводящим до отчаяния терпением. Такой человек никогда не воспрянет, умрет, но не взбунтуется. Но когда он доведен до отчаяния, возмущение его становится уже более возможным. Отчаяние — острое, страстное чувство. В отчаянии долго оставаться не может никто; оно быстро приводит человека или к смерти, или к делу. К какому делу? Разумеется, к делу освобождения и завоевания условий лучшего существования. Но и нищеты с отчаянием мало, чтобы возбудить социальную революцию... Для этого необходим еще общенародный идеал, вырабатывающийся всегда исторически, из глубин народного инстинкта, воспитанного, расширенного и освещенного рядом

знаменательных происшествий, тяжелых и горьких опытов, – нужно общее представление о своем праве и глубокая, страстная, можно сказать, религиозная вера в это право (М. Бакунин). Каждый народ вносит в революцию свой исторический опыт, свои грехи и пороки, но также и свою способность к жертве и к энтузиазму. Русская революция антинациональна по своему характеру, она превратила Россию в бездыханный труп. Но и в этом антинациональном ее характере отразились национальные особенности русского народа и стиль нашей несчастливой и губительной революции – русский стиль. Наши старые национальные болезни и грехи привели к революции и определили ее характер. Духи русской революции – русские духи, хотя и использованы врагом нашим на погибель нашу. Призрачность ее – русская призрачность. Одержимость ее – характерно русская одержимость. Революции, происходящие на поверхности жизни, ничего существенного никогда не меняют и не открывают, они лишь обнаруживают болезни, таившиеся внутри народного организма, по-новому переставляют все те же элементы и являют старые образы в новых одеяниях. Новые души рождаются позже, после глубокого перерождения и осмысливания опыта революции.

Булгаков утверждает, что русская революция была интеллигентской. Духовное руководство в ней принадлежало нашей интеллигенции, с ее мировоззрением, навыками, вкусами, социальными замашками. Авторы сборника «Вехи» настаивали, что весь идейный багаж, все духовное оборудование, вместе с передовыми бойцами, застрельщиками, агитаторами, пропагандистами, был дан революции интеллигенцией. Она духовно оформляла инстинктивные стремления масс, зажигала их своим энтузиазмом, словом, была нервами и мозгом гигантского тела революции. В этом смысле революция есть духовное детище интеллигенции, а, следовательно, ее история есть исторический суд над этой интеллигенцией.

Именно интеллигенции, принадлежит монополия европейской образованности и просвещения в России, она есть главный его проводник в толщу стомиллионного народа, и если Россия не может обойтись без этого просвещения под угрозой политической и национальной смерти, то как высоко и значительно это историческое призвание интеллигенции, сколь устрашающе огромна ее историческая ответственность перед будущим нашей страны, как ближайшим, так и отдаленным!

По мнению П.Б. Струве, интеллигенция в русском политическом развитии есть фактор совершенно особенный: историческое значение интеллигенции в России определяется ее отношением к государству в его идее и в его реальном воплощении.

Революция есть продукт особенных исторических условий. Она предполагает не только наличие сильно обострившихся классовых противоположностей, но и наличие крупного, национального государства, которое уничтожает все провинциальные и коммунальные особенные права, которые зиждутся на фундаменте капиталистического способа производства, разрушающего равным образом всякий партикуляризм; она предполагает,

далее, опирающуюся на бюрократию и милитаризм государственную власть, научную политическую экономию и быстрый темп экономического развития.

Сорокин П.А. считает, что растущее подавление базовых инстинктов, их всеобщий характер, бессилие групп порядка в адекватном описании, являются тремя необходимыми составными всякого революционного взрыва [1, с.200].

Россия пережила революцию. Эта революция не дала того, чего от нее ожидали. Положительные приобретения освободительного движения все еще остаются, по мнению многих, по меньшей мере, проблематичными. Русское общество, истощенное предыдущим напряжением и неудачами, находится в каком-то оцепенении, апатии, духовном разброде, унынии. Русская государственность не обнаруживает пока признаков обновления и укрепления, которые для нее так необходимы, и, как будто в сонном царстве, все опять в ней застыло, скованное неодолимой дремой. Русская гражданственность, омрачаемая многочисленными смертными казнями, необычайным ростом преступности и общим огрубением нравов, пошла положительно назад. Есть от чего прийти в уныние и впасть в глубокое сомнение относительно дальнейшего будущего России. Революция поставила под вопрос самую жизнеспособность русской гражданственности и государственности; не посчитавшись с этим историческим опытом, с историческими уроками революции, нельзя делать никакого утверждения о России.

Социальной революции противопоставляют социальную реформу. Противоположность, по мнению, К. Каутского, заключается не в том, что в одном случае применяется сила, а в другом нет. Завоевание государственной власти угнетенным до тех пор классом, т.е. политическая революция, составляет существенный признак социальной революции в тесном смысле слова, в противоположность социальной реформе. Социальная революция по самому существу своему непримирима с интересами господствующих классов, так как она означает при всяких других условиях уничтожение их господствующего положения. Не удивительно, что господствующие классы всегда поносили и клеймили революцию [1, с.176-177].

В обществе революции точно так же являются результатом медленных, постепенных процессов развития (эволюции). И здесь медленно развиваются только общественные органы; резко, одним ударом, революционно, могут быть изменены лишь функции этих органов. История социальной эволюции учит нас тому, что все фундаментальные и по-настоящему прогрессивные процессы суть результат развития знания, мира, солидарности, кооперации и любви, а не ненависти, зверства, сумасшедшей борьбы, неизбежно сопутствующих любой великой революции.

Кроме революционных экспериментов существуют и другие способы улучшения и реконструкции социальной организации. Таковыми принципиальными канонами являются:

1. Реформы не должны попираť человеческую природу и противоречить ее базовым инстинктам. Русский революционный

эксперимент, как, впрочем, и многие другие революции, дает нам примеры обратного.

2. Тщательное научное исследование конкретных социальных условий должно предшествовать любой практической реализации их реформирования. Большинство революционных реконструкций не следовало этому правилу.

3. Каждый реконструктивный эксперимент вначале следует тестировать на малом социальном масштабе. И лишь если он продемонстрирует позитивные результаты, масштабы реформ могут быть увеличены. Революция игнорирует этот канон.

4. Реформы должны проводиться в жизнь правовыми и конституционными средствами. Революции же презирают эти ограничения.

Представляет интерес решение Г. Спенсером проблемы социальной эволюции. В эволюции он видел следующие основные моменты: переход от простого к сложному (интеграция); от однородного к разнообразному (дифференциация); от неопределенного к определенному (возрастание порядка). «Что такое социальная эволюция?» – ставит вопрос Спенсер, и отвечает, что социальная эволюция есть прогрессивное развитие общества по пути его усложнения и совершенствования деятельности социальных институтов. Он показывает объективную обусловленность социальной эволюции потребностями людей.

С точки зрения Г. Спенсера, в процессе социальной эволюции увеличивается значение коллективной деятельности людей разного рода социальных институтов. Он писал «Прогресс в человеческих обществах всегда происходит в направлении поглощения индивидуальных действий действиями корпоративных органов».

В то же время он подчеркивал, что общество должно служить индивидам, а не поглощать их. Далее он обратил внимание на то, что в ходе социальной эволюции, совершающейся совместными усилиями людей разных поколений, изменяются многие функции общества; они «возрастают в размере, в разнообразии, в определенности и сложности».

Б. Рассел в работе «Практика и теория большевизма» анализируя недостатки современного ему капиталистического общества, приходит к выводу, что не революция, а путь реформ, духовного, интеллектуального и культурного прогресса общества – это тот предпочтительный метод, который способен относительно безболезненно и прочно преобразовать общественную жизнь, устраняя постепенно социальные недуги.

По мнению Б. Рассела, нельзя выделять какое-либо одно зло, но если бы пришлось выбирать одно из величайших политических зол, то это неравенство власти. И от этого зла не возможно избавиться при помощи классовой войны и диктатуры коммунистической партии. Только мир и длительный период постепенных улучшений могут привести к его исчезновению.

Добрые отношения между людьми, свобода от ненависти, насилия и угнетения, всеобщее распространение образования, рационально

используемый досуг, прогресс искусства и науки – вот, некоторые из важнейших целей, которые должна провозглашать политическая теория. Вряд ли достижению этих целей могут способствовать революция и война, в настоящий момент этому может содействовать только уменьшение духа жестокости, порожденного войной.

Литература

1. Социальная философия: Хрестоматия. Ч.2. / Сост. Г.С. Арефьева, М.И. Ананьева, А.С. Гарбузов. – М., 1994.

М.В. КОЛТУШКИНА

ЭТНОСОЦИАЛЬНЫЙ ХАРАКТЕР И ОСОБЕННОСТИ РОССИЙСКОГО ПАТРИОТИЗМА

Русские как этнос существуют более тысячелетия, и все это время они были государствообразующей нацией, ядром российской государственности, сплачивающей все другие народы. Русский народ в течение всей своей истории динамично развивался, рос количественно и качественно.

Самоидентификация любого этноса строится, прежде всего, на возрождении исторической памяти и национального самосознания и национальной культуры. Следует вспомнить, что именно русская философская мысль выдвинула положение о необходимости строгого определения важнейших культурно-исторических понятий. И.А. Ильин предложил в 1937 году различать понятие цивилизации как совокупности бытового, внешнего, материального, и понятие культуры как явления внутреннего, духовного. «Культура есть явление внутреннее органическое: она захватывает самую глубину человеческой души и складывается на путях живой, таинственной целесообразности. Этим она отличается от цивилизации, которая может усваиваться внешне и поверхностно, и не требует всей полноты душевного участия... у каждого народа особая, национально-зарожденная, национально-выношенная и национально-выстраданная культура» [1, с.19]. Эта «национально-выстраданная» русская культура и сформировала русский национальный характер. Сущность национального характера рассматривается как двуединая субъективно-объективная реальность особого рода, проявляющаяся как психическое и социокультурное явление. Более всего о характере народа свидетельствует его историческая судьба. Здесь следует повторить очевидные исторические факты, что ни один цивилизованный народ не выживал в подобных – невиданно трудных климатических, природных и геополитических условиях, освоив, при этом, наибольшие в истории пространства, сформировав самое большое в мире государство, не уничтожив и не поработив ни одного народа, создав великую культуру. Совершенно очевидно, что народ, совершающий эти беспрецедентные деяния, обладает уникальными качествами.

Глубинные и вершинные черты русского этноса отчетливо проявляются в его социальном национальном характере. Каждый этнос имеет